

Научная статья
УДК 34(091)

EDN: VNZHCH



Статья опубликована на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0
International License

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА (на примере донских областных учреждений)

Инна Александровна БОНДАРЕНКО

Южно-Российский институт управления филиала РАНХиГС при Президенте РФ
Ростов-на-Дону, Россия
innuchbi@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0006-0421-5094>

Аннотация: Цель статьи – анализ функционирования тюремной системы на рубеже XIX–XX вв. Проведенное исследование носит эмпирический характер и основано на использовании формально-юридической, историко-правовой, системно-структурной и сравнительно-юридической методологии. Изучение научной литературы по истории развития тюремных учреждений на территории Российской империи, включая Донское казачье войско, дополнено неопубликованными источниками, хранящимися в фондах Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Ростовской области.

Результаты исследования позволили восполнить пробелы в историко-правовой науке, связанные со спецификой исполнения наказаний в Донском казачьем войске, а также систематизировать организационные формы и правовые основы становления областных тюремных учреждений.

В заключении делается вывод о специфике функционирования мест лишения свободы накануне 1917 г., в период активного революционного политического движения.

Ключевые слова: пенитенциарные учреждения, тюрьма, тюремная стража, осужденные к лишению свободы, Российская империя, Донское казачье войско.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бондаренко И.А. Развитие системы исполнения наказаний в Российской империи в конце XIX – начале XX века (на примере донских областных учреждений) // Вестник Поволжского института управления. 2025. Т. 25, № 4. С. 80–87. EDN: VNZHCH

© Бондаренко И.А., 2025

Original article



This work is licensed under a
Creative Commons Attribution 4.0
International License

DEVELOPMENT OF THE PENAL SYSTEM IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES (Case Study of Don Regional Institutions)

Inna A. BONDARENKO

*South-Russian Institute of Management
Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don, Russia
innuchi@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0006-0421-5094>*

Abstract. The purpose of the article is to analyze the functioning of the prison system at the turn of the XIX – XX centuries. The conducted study is of empirical nature, and is based on using formal-legal, historical-legal, system-structural and comparative-legal methodology. The study of scientific literature on the history of development of prison institutions in the territory of the Russian Empire including the Don Cossack Army is supplemented by unpublished sources stored in the funds of the State Archives of the Russian Federation and the State Archives of the Rostov Region.

The results of the study made it possible to fill the gaps in historical and legal science associated with the specifics of the execution of punishments in the Don Cossack Army, as well as to systematize organizational forms and legal foundations for the formation of regional prison institutions.

The conclusion is drawn about the peculiarity of the development of places of deprivation of liberty before the beginning of 1917, during the active development of revolutionary political movements.

Keywords: penitentiary institutions, prison, prison guards, convicted persons, Russian Empire, Don Cossack Army.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Bondarenko, I.A. Development of the Penal System in the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Centuries (Case Study of Don Regional Institutions) // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2025. Vol. 25, №. 4. P. 80–87. EDN: VNZHCH

Введение. Развитие тюремной системы в Российской империи в анализируемый период было обусловлено предшествующими пенитенциарными реформами 60—70-х годов XIX столетия. В результате преобразований произошла централизация управления местами лишения свободы, завершенная в 1879 г. созданием Главного тюремного управления МВД России (ГУТ МВД России). Началась новая эпоха в развитии «тюремного дела», в течение которой действующие пенитенциарные учреждения укрупнялись и активно строились новые места лишения свободы. Управление тюрьмами становилось более унифицированным и современным [1].

С созданием ГУТ МВД России составление финансовых смет и отчетов по арестантской части и приложений к ним перешло в руки центрального аппарата ведомства, что сдерживало возможность совершения правонарушений коррупционной направленности. Распоряжение кредитами, ассигнуемыми на тюремные потребности, было предоставлено непосредственно начальнику ГУТ МВД России [2, с. 146]. Помимо урегулирования финансовых вопросов создание ГУТ МВД России внесло лепту в дело гуманизации пенитенциарной системы страны. Так, А.А. Пионтковский — известный российский правовед, являвшийся сторонником социологического направления в уголовном праве, исходил из того, что преступление является сложным результатом физиологических, социальных и индивидуальных факторов совершившей его личности, и настаивал на том, что процесс гуманизации тюремного дела позволит лицам, лишенным свободы, обрести веру и надежду на исправление [3, с. 3]. В донских областных пенитенциарных учреждениях, дислоцированных на территории области Войска Донского, практиковалось привлечение местного населения к несению службы в тюремной страже и в полиции, а также к осуществлению конвойных функций станичными и хуторскими казаками.

Результаты. В июне 1879 г. в Париже состоялось заседание Международной тюремной комиссии, для участия в которой в качестве официального делегата от России был направлен действительный тайный советник М.Н. Галкин-Враской, назначенный 23 апреля того же года на должность начальника ГУТ МВД России. Основной целью планового заседания комиссии стала окончательная разработка Устава Постоянной международной пенитенциарной комиссии [4, с. 35]. Российская империя как член тюремной комиссии выдвинула к проекту данного нормативно-правового акта ряд, замечаний и предложений, касавшихся порядка исполнения решений комиссии, а также назначения ее руководства.

В рамках заседания Международной тюремной комиссии была разработана также программа вопросов для обсуждения на 3-м Международном тюремном конгрессе, который должен был состояться в 1883 г.

В числе намеченных вопросов планировалось обсудить следующее: соответствие ограничения гражданских и политических прав целям «исправительного наказания»; возможность замены тюремного срока на иные виды и формы лишения свободы, например, направление на общественные работы без содержания под стражей; запрет на проживание в определенном месте. Кроме того, участниками совещания обсуждались вопросы удешевления архитектуры тюремных построек без ущерба разумного функционирования системы, виды поощрения арестантов в интересах правильной тюремной дисциплины, возможное обустройство учреждений образования при пенитенциарных учреждениях.

Помимо общих вопросов развития деятельности тюрем перед государством стояли специфические задачи в этой сфере. Так, стремительный рост революционного движения в 1890-е годы привел к росту количества политических заключенных, находящихся в российских тюрьмах, что актуализировало проблему порядка и особенностей содержания данной категории осужденных. Арестованные по политическим мотивам, как правило, размещались в одиночных камерах, им запрещалось участвовать в хозяйственных работах на территории тюрьмы во избежание возможного влияния на спецконтингент, не разрешалось чтение книг, даже научной литературы, и пользование канцелярскими принадлежностями [5, с. 35–42].

В рассматриваемый период пенитенциарные учреждения в России являлись составной частью органов власти, и алгоритм их работы зависел от общих принципов функционирования публичной власти. Принципы управления и ведомственная принадлежность пенитенциарных учреждений время от времени претерпевали изменения не только на государственном уровне, но и в отдельных регионах Российской империи. К примеру, область Войска Донского, на всем протяжении своего существования являвшаяся уникальным регионом, обладала собственной моделью управления тюрьмами, связанной с наличием двойного подчинения органов публичного управления в регионе Военному министерству и МВД России (с 1895 г. — Министерству юстиции) [6, с. 14].

В губерниях, уездах и городах Российской империи широкое распространение получила практика функционирования так называемых «арестных домов», в которых отбывали наказание преступники, приговоренные к небольшим срокам лишения свободы [7, с. 55–59]. Однако на территории Донского казачьего войска подобные учреждения не имели распространения, здесь места лишения свободы представляли собой либо оборудованные помещения при полицейских участках, либо отдельно расположенные здания — тюрьмы, остроги. Именно такой подход к организации пенитенциарной системы, исключавший арестные дома, был установлен впоследствии на всей территории советской

России. Споры о целесообразности их применения в правовой среде ведутся до сих пор. В настоящее время действующим законодательством предусмотрено наказание в виде ареста, но специализированных учреждений, подобных существовавшим в дореволюционный период на всей территории империи, кроме Войска Донского, для исполнения данного вида наказания в современном государстве не существует.

Тюрьмы области Войска Донского размещались в городах и станицах, как правило, рядом с «окружным правлением» (органами публичной власти районного уровня), за исключением Таганрога, где новый тюремный замок построили в пригороде, за станцией и железной дорогой. По своему типу и устройству все тюрьмы, кроме Новочеркасской и Сальской различались только размерами. Они представляли собой корпус внутри каменного ограждения, рядом с воротами которого находились флигели со служебными помещениями, казармы для отдыха надзирателей, комнаты для начальствующего состава, а также мастерские, баня и цейхгаузы.

Новочеркасский областной тюремный замок, включавший несколько одноэтажных, полуторазэтажных и двухэтажных флигелей, огражденных каменной стеной, одной стороной примыкал к болотистой местности, а другой был обращен к довольно высокой горе с городскими постройками. Периодические обвалы с горы засыпали тюремную стену, и она оказывалась всего на полметра от земли, а каменные постройки острога время от времени разрушались вследствие подтоплений со стороны болот.

Сальская тюрьма области Войска Донского, в отличие от других тюрем региона, размещалась в арендованной частной деревянной усадьбе и не имела ограждения.

Согласно данным «полугодовой ведомости» расхода спецконтингента (движения тюремного населения), в тюрьмах Донской области в начале XX столетия содержалось свыше двух тысяч мужчин и женщин (при некоторых находились дети). В тюрьме Ростова-на-Дону содержалась практически половина осужденных всего региона. Меньшее число заключенных находились в Новочеркасском областном замке и в Таганрогской тюрьме; на остальные тюрьмы региона (Донская, Донецкая, 1-я Донская, Хоперская окружные тюрьмы, Сальская, Усть-Медведицкая, Новониколаевская) приходилось по несколько десятков арестантов [8, с. 2–20].

На рубеже XIX–XX столетий при размещении спецконтингента в пенитенциарных учреждениях России их статус (принадлежность к сословию) не учитывался при установлении режима содержания. Между тем тюрьмы, построенные на Дону, отличались относительными удобствами для спецконтингента и стражи, строились с учетом имеющегося опыта функционирования пенитенциарных учреждений. Для большей эффективности учета, четкости классификации и повышения достовер-

ности статистической отчетности находившихся под стражей лиц была проведена унификация категорий осужденных. К числу арестантов, состоявших под следствием, были отнесены только лица, привлеченные к следствию «судебными органами гражданского и военного ведомства». Арестанты, по которым производилось дознание «полицейскими властями», включались в число лиц, содержащихся «под распоряжением административных властей».

Пересыльными считались арестанты, которые находились в месте заключения временно (ссыльнопоселенцы; лица, высылаемые по приговорам обществ и распоряжениям административных властей; лица, добровольно следующие за ссыльными; арестанты всех категорий, препровождаемые куда-либо по распоряжениям судебных или административных властей, не исключая и тех ссыльнокаторжных, относительно высылки коих в другое место начальником тюрьмы уже получено соответствующее распоряжение). К числу арестантов, прибывших из других пенитенциарных учреждений, прибавлялись направленные для лечения в тюремные больницы или местные больницы иных ведомств, при этом они не считались выбывшими из-под стражи. Время, проведенное арестантами и состоящими при них детьми в больнице, не исключалось из общего срока лишения свободы, назначенного по приговору суда.

Следует отметить, что управление тюрьмами в области Войска Донского к 1910 г. было во многом упрощено, так как войсковой атаман генерал-лейтенант барон Федор Федорович фон Таубе стремился в своей профессиональной деятельности реставрировать «донскую старину» и восстановить казачий образ правления. От «арестантских дел» атаман просил подчиненных его оградить, поэтому материальное и кадровое обеспечение тюрем стало ухудшаться. Донской тюремный инспектор, статский советник Листовничев рапортовал в столицу об удручающем состоянии организации службы в тюрьмах региона. Руководителей донских тюрем чиновник подразделил на три «категории», и к первой отнес начальников Новочеркасской, Ростовской и Второй Донской тюрем, которые в целом, по его мнению, соответствовали занимаемой должности. Ко второй категории были причислены начальники Новониколаевской, Донецкой, Первой Донской и Таганрогской тюрем, не соответствовавших занимаемой должности (по неопытности либо по небрежному отношению к службе, однако при должном ведомственном контроле их работа могла быть стабилизирована). К третьей категории, именуемой инспектором «безнадежной», относились начальники Хоперской, Усть-Медведицкой и Сальской тюрем [9, с. 52].

В связи с недочетами в выполнении служебных обязанностей начальниками тюрем не могла быть эффективной и работа их подчиненных, а следовательно, и всей донской областной системой пенитенциарных уч-

реждений. Практиковалось управление тюрьмами старостами их числа арестантов, которые нередко подчиняли своей воле начальников учреждений вплоть до лишения их свободы. Кроме того, арестанты самостоятельно покидали места нахождения под стражей, организовывали закупку продуктов, часто перепродавая их на территории тюрьмы. Капитал «тюремного комитета Войска Донского» был полностью растрочен, денежных средств не хватало даже на выплату жалования тюремной страже.

Обсуждение. Сложившаяся ситуация в донских областных тюремных учреждениях не могла долго оставаться без внимания. В область Войска Донского для стабилизации ситуации в тюрьмах и наведения порядка были командированы чиновники из Грозненского округа Терской области, которым при тюрьмах оборудовались помещения для постоянного проживания. Во всех тюрьмах удалось устроить помещения с решетками для свиданий; был организован порядок получения заключенными посылок, писем; обеспечены прогулки и конвоирование осужденных в соответствии с действующим законодательством Российской империи. К концу 1911 г. из средств государственной казны был проведен комплексный ремонт тюремных зданий и сооружений.

В Донском регионе начали предприниматься меры по выделению отдельных помещений для несовершеннолетних и женщин, оборудовались больницы и специальные санитарно-гигиенические помещения. По причине нехватки финансирования тюремное руководство иногда вынуждено было тратить собственные деньги на изготовление ножных кандалов и наручников, используемых для особо опасных преступников. Впрочем, впоследствии личные денежные средства, как правило, возвращались из государственной казны Российской империи в полном объеме [10, с. 1–2].

Заключение. В период конца XIX — начала XX в. российское правительство предприняло значительные усилия для улучшения условий функционирования пенитенциарных учреждений. Достижением явилось строительство новых, более современных тюремных учреждений в крупных административных центрах области Войска Донского. Эти усилия привели к заметному улучшению состояния тюрем, хотя европейские стандарты остались недостижимыми. В этот период государство сталкивалось с многочисленными сложностями, связанными с несоответствием «местных порядков» общеимперскому законодательству. Существенные отличия между требованиями уголовно-исполнительного законодательства и фактическим состоянием дел в пенитенциарных учреждениях являлись препятствием для эффективной организации работы уголовно-исполнительной системы Российской империи [11, с. 18]. Подтверждением этому служит пример области Войска Донского, ха-

рактеризовавшейся наличием местных традиций, определявших особенности правовой культуры и правоприменения.

Список источников

1. *Пертли Л.Ф.* Тюремная политика Российской империи (1879–1917 годы) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 9 (196). С. 29–36. EDN XYOVWX.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Ф. 122, Оп. 1, Д. 610.
3. *Пионтовский А.А.* Тюрьмоведение, его предмет, содержание, задачи и значение: вступ. лекция, чит. в Новорос. ун-те 30 сент. 1891 г. Одесса: Тип. Штаба Одес. воен. окр., 1892. 32 с.
4. ГАРФ Ф. 122. Оп. 1. Д. 596.
5. ГАРФ Ф. 122. Оп. 1. Д. 2149.
6. *Небратенко Г.Г.* История органов правопорядка Дона. Ростов н/Д: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел РФ, 2022. Т. 1. 272 с.
7. ГАРФ. Ф. 7420. Оп. 1. Д. 15.
8. ГАРФ. Ф. 7420. Оп. 1. Д. 40.
9. *Яковлева О.Н.* Основные проблемы становления Главного тюремного управления и его деятельность в 1879–1895 годах // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 11 (186). С. 51–58. EDN YQZAIW.
10. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3299.
11. *Шатковская Т.В.* Роль кодификации в обеспечении единства правового пространства в Российской империи в XIX – нач. XX в. // Вопросы государства и права. 2024. № 4 (7). С. 16–23. DOI: 10.24888/2949-3293-2024-4-7-16-23. EDN: ETGWPO.

Сведения об авторе

БОНДАРЕНКО Инна Александровна,
преподаватель кафедры теории
и истории права и государства
Южно-Российского института
управления филиала РАНХиГС
при Президенте РФ
Ростов-на-Дону, Россия
innuchi@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0006-0421-5094>

Статья поступила в редакцию
09.06.2025

Одобрена после рецензирования
26.06.2025

Принята к публикации
28.07.2025

The author

Inna A. BONDARENKO,
lecturer at the Theory and History
of Law and State Department,
South-Russian Institute of Management,
Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration
Rostov-on-Don, Russia
innuchi@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0006-0421-5094>

The article was submitted
09.06.2025

Approved after reviewing
26.06.2025

Accepted for publication
28.07.2025